ЛЮБИМЫЙ **ЖАНР**

После зимнего концерта Елены Камбуровой вспомнилось, что мой однокурсник Коля Курочкин, специализировавшийся по теме мелодекламации, писал про ее песни курсовую работу, в обсуждении которой в 1980 году весь курс принимал заинтересованное участие. Только вряд ли это воспоминание прибавит что-то к тем соображениям, которые я собираюсь здесь изложить.

13 апреля, в весенний пасмурный день, когда большинство горожан пребывало в своих ежедневных хлопотах, по ТВ показали передачу Вячеслава Малежика о Камбуровой. И даже мой старый «Темп-714», на котором давно исчезли цвета и резкость изображения, смог удержать меня в состоянии восторга и долгой, пронзительной грусти, которые всегда остаются от ее выступлений. Вспомнился зимний концерт в Доме Архитекторов, на который я пошла почти случайно и где больше всего поразил битком набитый зал разновозрастной публики.

Бессмертная русская тоска сможет вполне утолить себя на ее концертах. Все, что бы она ни пела и какую бы ноту ни брала, омывается у нее слезою бесконечной. Огромный репертуар поэзии всех континентов ухитрилась нежная Камбурова превратить в общий трагический монумент. Все песни ее сливаются как бы в один огромный, сквозной плач. Можешь собрать все свои накопленные слезы и пролить их на ее концерте, если захочешь, – ее репертуара для этого хватит как раз. И когда ты вновь увидишь из зала сверкнувшую слезу в ее глазах, понимаешь, что это как раз то, что вас с ней объединяет.

Ее темы в любой мелодии и в любом стихе – страданье, моленье, боль, кручина, оплакиванье. Потребность моленья и плача, кстати, специфична для родного русского фольклора. И присуща Камбуровой в той же степени, что и самой женской природе.

Чуть прорезался мюзикловый ритм – и вновь туман минора. В ее скорбных мечтах, плывущих по залу. В тотальной терминологии плача видится непреклонная модель миросозерцания. Твоя тональность – это твоя судьба.

Что бы ни пел человек – он не может преодолеть своей психофизической природы. А Лена Камбурова всегда будет напоминать нам девочку на ветру.

В ее облике все непоправимо-детское, трогательное, слабое. Обратите внимание на прелестную и редкую в наше время незаконченность черт лица, обведенных нетвердой кистью и еще склонных к изменениям. Хрупкость же и незащищенность – очевидно, базовые свойства натуры. А попытки преодоления этой хрупкости напором «резких» жанров и мизансцен все равно не удаются.

Безусловно, она не победитель и не укротитель жизни – а существо, напротив, вот-вот готовое сломаться, и это ощущение прочно оседает в вашем восприятии. Кому-кому, а ей-то жизни не стреножить, и лишь несбывшуюся любовь воспевать. Скорее всего, ее предназначение и судьба как раз в этих песнях несбывшейся любви, надрывающих душу, а также в попытке одинокого и безнадежного противостояния.

Собственно, все мировое искусство – это история одинокого человеческого пути.

Но ведь человек вовсе не обязан всюду совпадать с самим собой и во всем быть равным самому себе? И сцена не обязана быть синонимом жизни, и жизнь ничего не должна сцене?

Но вот она уже не на сцене, а в будничном телекадре «про жизнь». Какая простая улыбка, какие простые тяжелые руки, застенчивые движения. Никаких чар и, боже упаси, чванства. Потрясающая манера держаться именно где-то в глубине кадра – предпочитая оставаться в тени, а не давить превосходством. В любом кадре, какой ни возьми, она чем-то или кем-то потеснена.

Вот рядом кошка, вот деревенский дом, вот речка. Всюду она, в общем, одна, и я не замечаю ни членов семьи, ни... Телегероиня, как и ее сценический прототип, проходит жизнь свою почти в полном уединении. Уединенный же человек острее и насыщенней воспринимает действительность. И вот она высказывается насчет того, как самые рядовые явления жизни способны ее «впечатлять», и она может с восторгом наблюдать льющуюся воду или горящую свечу. Отдых – в деревне.

Вот фрагмент нашего недавнего разговора:

– Лена, я понимаю вас как певицу исключительной печали. Соответствует ли эта тональность ваших песен вашему ощущению жизни?

– Конечно, есть очень много совпадений, и очень часто поешь про себя тоже. В песне есть много совпадающих с твоей жизнью состояний, которые ты испытывала, – какой-то возвышенной любви, разлуки, ухода – да ведь все это имеется и в жизни практически каждого человека.

– А все-таки, вы воспринимаете собственную жизнь как печальный путь или полный каких-то радостей?

– Если бы у меня была возможность прожить две жизни и сравнить эту мою жизнь с какой-то другой, то я более четко могла бы понять, какая она была на самом деле, моя жизнь. Еще ведь дело в том, что только по прошествии какого-то времени ты более точно осознаешь и понимаешь, каким ты был. Вот сейчас, например, я могу сказать о своем детстве и своей юности более четко, в отличие от последнего периода, который мне достаточно трудно и анализировать, и понимать. Все видится на расстоянии. Я знаю, что в детстве я очень многие вещи видела в сумеречном свете, много грустила, плакала. Ведь в детстве у всех нас достаточно мало юмора. А сейчас палитра моих взглядов на жизнь изменилась. Я научилась каким-то новым вещам – например, видеть себя со стороны, что очень полезно, потому что многие кажущиеся тебе драмы на самом деле не драмы, а так – неприятности, и вообще, все относительно. Но самое главное, как я предполагаю, через какое-то время я пойму о себе одну важную вещь: что все-таки я была во многие моменты своей жизни очень счастлива, и эти моменты жизни принадлежали именно сцене.

Ольга ИГНАТЮК

Экран и сцена -

Современница

№ 17 (485), апрель-май 1999 года

-66.